

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ **ДЕТЕКТИВНЫЕ** ИСТОРИИ

ЗИМА & **ДЕТЕКТИВ**

Татьяна **УСТИНОВА**
Анна и Сергей **ЛИТВИНОВЫ**
Евгения **МИХАЙЛОВА**
и другие :-)

**Марина Крамер
Евгения Михайлова
Татьяна Витальевна Устинова
Елена Ивановна Логунова
Анна и Сергей Литвиновы
Галина Владимировна Романова
Анна Велес
Людмила Мартова
Зима&Детектив
Серия «Великолепные
детективные истории»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66644704
Зима&Детектив: сборник рассказов: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-160748-7*

Аннотация

Все мы, независимо от возраста, каждый год с радостным предвкушением ожидаем зимние праздничные дни, словно наполненные волшебством. Новый год и Рождество заряжают нас по-детски чистыми эмоциями и радостным настроением.

Отличным отдыхом в перерывах между предпраздничными хлопотами станут остросюжетные рассказы Татьяны Устиновой, Анны и Сергея Литвиновых, Евгении Михайловой и других авторов, вошедшие в сборник «Зима&Детектив». В них сияют огнями елки, таинственно мерцают игрушки, готовятся необычные блюда, упаковываются подарки и, конечно же, происходят загадочные события, которые могут случиться только в зимние дни!

Содержание

Елена Логунова	6
Сами мы не местные	6
Татьяна Устинова	43
Свидание с Богом у огня: Разговоры о жизни, любви и самом важном	43
Анна и Сергей Литвиновы	51
Золотое, зеленое, белое	51
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Зима&Детектив: сборник рассказов

Елена Логунова

Сами мы не местные

От нечего делать в аэропорту мы играли в города. Вылет задерживался, мировая география заканчивалась.

– Куала-Лумпур! – объявил сын, потирая ладони.

У него в комнате над кроватью висит карта мира. А если много лет спать, уткнувшись носом в Индокитай, можно получить серьезное преимущество в этой игре.

– Э-э-э... Ромашково! – неуверенно предложила я.

– Какое еще Ромашково? Нет такого города! – возмутился муж.

– Как – нет, когда в него паровозик ездил?! – заспорила я.

– Отставить паровозик, он мультяшный, давай настоящий город.

– Э-э-э... Ладно, тогда Рейкьявик!

– Э-э-э... Ладно, тогда Коростень!

– Нет такого города! – заспорил уже сын.

– Да как нет, моя мама, твоя бабушка из него родом!

– Это не город, а ма-а-аленький городишко! – вмешалась я.

– Какой городишко?! – Колян не давал позорить родину предков. – Про Коростень даже в летописи написано, его

княгиня Ольга голубями сожгла!

– О! Видишь? Сожгла! Значит, точно нет такого города! – обрадовалась я. – Ура, я выиграла!

– Не выиграла, у меня есть еще города на «кэ»: Кито, Ка-
ракас и Кайена! – окоротил меня сын.

Он иногда переворачивается и спит, уткнувшись в Юж-
ную Америку.

– Что, все? Сдаетесь? Значит, я выиграл! – Потомок по-
аплодировал себе и встал – очень вовремя объявили посадку
на наш рейс.

Мы летели в город на букву «М» – столицу нашей Родины.
Не по делам, а просто так – погулять и развеяться.

Развеяться получилось сразу же на выходе из аэропорта:
в Белокаменной было ветрено и холодно. После теплого сол-
нечного Краснодара – очень неуютно.

– Спрашивается, чего нас занесло в декабрьскую Моск-
ву? – риторически спросил Колян, поднимая капюшон теп-
лой куртки.

Я только пожала плечами.

Дело было так: после долгой – на месяц – летней поездки
в Анталию сын устроил бунт. Истошилось у юного патриота
терпение, не вынесла душа поэта ностальгии по родным бе-
резкам!

– Когда уже закончится это гадство?! – шумно возмущал-
ся он. – По три раза в год за границу, сколько можно!

И, пока онемевшие от неожиданности и, чего уж скры-

вать, праведного родительского негодования мама с папой безмолвно переглядывались, телепатически транслируя друг другу сложные матерные конструкции, этот неблагодарный и наглый типчик вооружился ручкой и накатал список городов земли русской, обязательных для скорейшего посещения.

В список для начала вошли Москва, Питер, Казань, Нижний Новгород, Самара, Новосибирск и Екатеринбург. Спасибо, без Владивостока пока обошлось. Гражданин сын решительно потребовал соблюдения паритета: одна поездка за границу – одна по России.

Хотите в Лондон? О'кей, но сначала в Урюпинск.

Опять в Рим? Ладно, так и быть, но только через Воркуту. А иначе, сказал, никуда больше с нами не полетит.

И между строк читалось: а затолкаете в самолет на Париж силой, шантажом и угрозами – угоню лайнер в Саратов, в глушь, в деревню!

Короче, мы сдались и в середине декабря полетели не к теплему морю, как хотелось, а в Москву. Во всем самом теплом, что имелось в наших краснодарских платяных шкафах. И чего, я уже определенно это чувствовала, лично мне в промозглой Белокаменной будет недостаточно.

– Хорошо хоть с общественным транспортом в столице нет проблем! – порадовалась я, когда мы вынырнули из метро, где успели отогреться по пути из аэропорта.

– Какие могут быть проблемы в Москве? – простодушно удивился сын. – Это же столица, образцовый город страны!

Тут все лучшее!

– Даже жители? – усомнилась я, столкнувшись с парой торопыг, которые не извинились за то, что налетели на меня.

– В московском человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли! – громко возвестил Колян, слегка переиначив Чехова.

Услышав это, третий толкнувший меня торопыга соизволил извиниться.

Муж гордо посмотрел на меня: видишь, мол, каково мое благотворное влияние?

Я покивала – вижу, мол.

Хотя видела не очень-то: низко надвинутый капюшон почти закрывал глаза.

В московское гостеприимство я не особенно верила – и не зря. Мы еще не успели дойти до арендованной квартиры, как были атакованы интересной гражданочкой. Выцепив нас мутным взглядом в пасмурной толпе пешеходов, она просияла и радостно завопила:

– Во-от, понаехали!

Я притормозила. Тетка в вытянутых трениках, линялой куртке и мохеровой шапке, над узором которой изрядно потрудилась мошь, с готовностью продолжила свой обличительный монолог:

– Небось, из Хохляндии! Торгаши! Спекулянты! А мы тут живем и работаем!

– А мы отдыхаем, – походя добродушно уведомил ее сы-

нище.

Он шел вприпрыжку и басовито похохатывал – ему все нравилось: и снежная каша с крупной солью, и толпы людей, и хмурые охранники, стерегущие новогодние декорации, и даже эта вопящая тетка. Такая смешная!

– Приперлися! Нарядилися! Рожи сияют! А у нас так не ходят и такое не носят! – Тетка обличительно потыкала пальцем в Коляна.

Муж пламенел красной зимней курткой, броским кумачовым чемоданом и здоровым кубанским румянцем. Все вместе создавало эффектный образ и. о. Деда Мороза с мешком подарков и вообще-то неплохо вписывалось в концепцию праздничного убранства столицы нашей Родины.

– Не успели приехать – попали под модный приговор столичной штучки! – пробурчала я.

– Это все из-за чемодана, – успокоил меня Колян. – Завтра мы будем гулять без него и легко смешаемся с толпой аборигенов.

– С такими рожами? – усомнилась я.

– А что с ними не так? – Супруг опасливо ощупал свои упругие щеки.

– Они сияют, – напомнила я.

– А, это нормально! Свет и радость мы приносим людям! – отмахнулся Колян и поспешил за сыном – тоже вприпрыжку.

Тетка мрачно посмотрела на меня и плюнула себе на галоши.

– И вам не хворать, – пробормотала я и ускорилась, догоняя своих.

Нужный дом мы нашли без труда, в подъезд попали без проблем – нам заранее сообщили код. В лифт ворвались с разбегу, потеснив там пару аборигенов – хорошенькую блондинку с печальными русалочьими глазами и парня с модной стрижкой. Не похоже было, что они счастливы нас видеть, слышать, обонять и осязать – кабина лифта не отличалась размерами, – но мы все же радостно поздоровались, потому что как же иначе, в культурном-то городе?

Увы, молодые люди нам не ответили, только переглянулись между собой.

Квартиру для временного проживания в Москве мы арендовали онлайн. Выбрали двушку с приличным ремонтом и в хорошем месте – всего-то четверть часа пешком от метро. На фотографиях квартиры присутствовала толстая трехцветная кошка – мы сначала думали, что она предоставляется за дополнительную плату, но оказалось – нет, входит в стоимость арендованного жилья.

– Будем жить как настоящие местные! С домашним питомцем в квартире! – радовались мы, глядя и тиская нашу московскую кошку.

Милая девушка Вера, поселившая нас в квартиру, сказала, что кошку зовут Викторией, и велела нам непременно закрывать все окна, чтобы киса не грохнулась с двадцатимет-

ровой высоты. У нее, мол, есть привычка устраиваться на подоконнике. А предупреждения, что такие увесистые кошки не летают даже с «Аэрофлотом», она пропускает мимо ушей.

Поскольку на свое имя кошка не откликалась, мы по праву временных хозяев ее переназвали.

– Будешь у нас Муркой! – сказал Колян, похлопав дивно упитанную кису по широкой, как у пони, спине.

На «кис-кис» наша Мурка тоже не реагировала. Сын решил, что столичная штучка понимает только московский говор, и начал старательно «акать», от чего его кискисканье, собственно говоря, ничуть не изменилось. Однако опытным путем было установлено, что смысл вопроса «Хочешь кушать?» хоть с аканьем, хоть без него Мурка постигает мгновенно и скорость при выдаче ответа развивает фантастическую – буквально сбивает с ног.

Кормить кошку полагалось сухариками из пакета с изображением крайне ненормального кота – пучеглазого, с разъявленной пастью и языком до пола. Мы решили, что наша Мурка не настолько странная, чтобы давать ей корм для откровенно сумасшедших животных, и купили для нее в ближайшем супермаркете куриное филе.

Возвращаясь из магазина с полными пакетами, мы снова встретили во дворе ту же молодую пару – они сиделись в машину. Мы обрадовались знакомым и покричали им по-свойски:

– Привет! Добрый вечер!

И девушка пусть неуверенно, но тоже сказала:

– Привет...

А молодой человек зыркнул на нас, поморщился и захлопнул автомобильную дверцу.

– Ты видела? – провожая добрым отеческим взглядом отъезжающую машину, спросил меня Колян. – У парня дернулся угол рта – он тоже чуть не поздоровался! Я думаю, мы их быстро перевоспитаем, и скоро они будут приветствовать нас первыми!

Походом в магазин культурно-развлекательная программа дня прибытия была исчерпана. Поскольку прилетели мы в столицу после обеда и обживаться в съемной квартире начали уже под вечер, то после ужина решили никуда больше не ходить, пораньше лечь спать и как следует отдохнуть перед началом нового прекрасного дня.

Поздним вечером за окном послышалось мяуканье.

– Восьмой этаж, откуда там кот?! – озадачилась я.

– Ну, если есть летучие мышки, должны быть и летучие кошки? – предположил Колян.

Мурка коротким мявом выразила согласие и по сложному маршруту пуфик – диван – тумбочка – подоконник полезла к окну. Муж заботливо поддержал толстую кошку ладонью под свисающую с подоконника попу и свободной рукой отдернул занавеску.

За окном был вид на жилой район – море огней, стылая зимняя ночь.

В ночи кто-то не по сезону страстно мяукал.

– Да вон же он, вон! – вскричал Колян, проморгавшийся первым.

Левее нашего окна на невнятном выступе, выпирающем из близкой стены другого дома, сидел кот. Он ерзал, нервно подергивался, таращил глаза и орал что-то вроде «Посадку давай, я сказал!».

Выглядел кот ненормально возбужденным. Очень похоже было, что для рекламного фото на пакете с сомнительным кормом позировал именно он.

Всем своим видом и поведением этот кот информировал нас, что намерен сигануть через двухметровую пропасть сразу, как только мы откроем окно.

А может быть, еще до того.

Глаза у кота были выразительные и отчаянные, как у летчика Мимино. Задние лапы он напружинил, а передними настойчиво давал отмашку, показывая, куда нам отскочить, чтобы не быть зашибленными перелетным котом.

– Куда?! Сидеть! – заорала я, инстинктивно пригнувшись. – Коля, он сейчас прыгнет, сделай что-нибудь!

– Секундочку! – Колян скороговоркой пробормотал: – Напекаю тебя Карлсоном! – заботливо перекрестил кота, егозящего на архитектурном излишестве, и объяснил мне: – А то фиг знает, что написать на могилке, если кот безымянный, –

после чего с чувством честно исполненного долга вернулся на диван.

– Ты с ума сошел?! – возмутилась я.

– Мау! – ободряюще молвила котану за окном временно наша толстая кошка Виктория-Мурка.

Мол, прыгай, братан, у тебя все получится, стекло у нас в окне ни разу не бронебойное.

– Ты с ума сошла?! – гаркнула я.

Кот Чокнутый Карлсон, который и без штанишек с моторчиком, и без смирительной рубашки, попятился, чтобы взять разбег.

– Вы все с ума сошли?! – рявкнула я и с треском задернула шторы.

– Мо? – растерянно и обиженно спросил дезориентированный забортный кот.

Я молча хлопнула по выключателю, и в комнате стало темно.

– Правильно, – одобрительно нашептал Колян с дивана. – С посадочными огнями любой дурак сможет, а вот так, в темноте и без приборов...

Я отмолчалась, опасаясь, что чокнутый кот полетит к нам на звук.

– А если что, мы завтра аккуратно соскрежем его с асфальта совочком от кошачьего туалета, – шепнул еще Колян, наверное, желая меня подбодрить.

Кошка Виктория-Мурка тяжело вздохнула, бухнулась на

пол и потопала к миске хрустеть не востребованными ранее сухарями. Я поняла, что толстая она из-за типично женской дурной привычки заедать стресс.

Примерно часом позже – мы уже укладывались спать – выяснилось, что у кисы полномасштабно скверные манеры. Она написала на ботинки сына и обрушила с вешалки куртку мужа!

Не иначе – обиделась, что мы не пустили к ней в гости перелетного котика.

Ботинки я тщательно вымыла, куртку подозрительно обнюхала, ощупала, вонючих мокрых мест не нашла, но все же вывесила ее на веревки за балконом – проветриваться.

Кошке я прочитала нотацию, пригрозила в случае продолжения гнусных выходов кормить ее одними сухарями для четвероногих психов, а за хорошее поведение пообещала прогулку во дворе.

Кажется, Мурка все поняла, и ночь прошла спокойно.

Утро добросовестно окрасило нежным светом стены древнего Кремля.

– Так, чего замерли? – досадливо спросил Колян. – Чего стоим как вкопанные?

– А он не того? Не провалится? – опасливо поинтересовалась я.

Ну, просто, вы понимаете, бронзовый круг под ногами так похож на крышку канализационного люка...

– Куда? В отрицательные числа? Это же ноль! Нулевой километр автомобильных дорог России! – нетерпеливо объяснил супруг. – Ключевое слово какое?

– России? – предположил сынище.

Он же у нас патриот.

– Ключевое слово – дороги! Отсюда вам открыты все пути! Можете идти на все четыре стороны! – Колян сумбурными жестами изобразил броуновское движение с отправной точкой на люке, пардон, нулевом километре. – Давайте уже, шагайте, я же вас снимаю!

– Уж послал так послал, – пробормотала я, послушно вытягивая носочек.

Мы с сыном попозировали, делая вид, будто куда-то целеустремленно шагаем. Сын даже ручкой помахал, и я не сразу поняла, что он это сделал не просто так, а с целью приветствия. Только когда потомок игриво пробасил: «О, здорово!» – я узнала в барышне, ковыляющей к метро «Охотный Ряд», нашу соседку-русалку.

Девушка нас, должно быть, не узнала, а может, просто не ожидала, что ее окликнут, и потому отшатнулась, закачалась на высоких каблуках – спутник еле успел поддержать ее.

– А ты у нас сногшибательный! – Колян одобрительно похлопал по плечу несколько обескураженного сына. – Не тушуйся, сынище, привлечь внимание девушки – половина успеха! Продолжай в том же духе.

– Только с какой-нибудь другой девушкой, – посоветовала

я. — Эта явно занята, видишь, у нее парень есть.

— И даже не один, — вздохнул сын.

— В смысле? — я посмотрел вслед удаляющейся паре.

— В смысле, это не тот парень, которого мы с ней видели вчера, — объяснил зоркий юноша. — У того была короткая стрижка, а у этого волосы стянуты в хвост.

— Хм... Если бы было наоборот, мы могли бы предположить, что парень тот же самый, просто он успел сходить в парикмахерскую, но так как сменить короткую прическу на длинную он не мог, ты несомненно прав! — Колян снова хлопал сына по плечу. — А раз так, значит, эта девушка еще не определилась с кавалером. Она тебе понравилась?

— Красивая...

— И слишком взрослая для семнадцатилетнего парня! — вмешалась я. — Ну, и кто теперь стоит как вкопанный? Кто замер? Мы в Кремль идем или нет?

После Кремля было много чего еще. К вечеру я уже потеряла счет осмотренным достопримечательностям и искренне хотела лишь одного: поскорее оказаться дома, согреться под горячим душем и вытянуть гудящие ноги.

— Это не одно желание, а целых три, — заметил сын, когда я поделилась с ним своей заветной мечтой. — Но я тоже за то, чтобы уже закончить прогулку.

— Кыся, мы хотим домой! — сообщила я мужу. — Проложи обратный курс, пожалуйста.

Тут выяснилось, что мобильники, немало потрудившиеся как фотоаппараты, у всех разрядились и интерактивные карты в них стали недоступны.

– И ничего страшного! Дорогу надо спрашивать у местных! – с энтузиазмом провозгласил неунывающий Колян. – Ведь никакой Гугл не заменит роскоши живого человеческого общения!

Меня в тот момент из всех видов живого человеческого общения привлекала только старая добрая пьянка – очень хотелось хлебнуть чего покрепче, можно прямо из горла, лишь бы согреться. На хваленной смотровой площадке на Воробьиных горах было очень холодно и ветрено.

Я замерзла до звона. Мой стекленеющий взгляд игнорировал золотые купола, рубиновые звезды и небоскребы, с грустной нежностью останавливаясь на каких-то густо дымящих трубах. Наверно, то была ТЭЦ. Или крематорий. В любом случае, там было тепло.

– Здравствуйте, товарищ, не подскажете – далеко ли до метро? – спросил отвратительно бодрый Колян, отловив поблизости аборигена.

У того были смуглое широкое лицо, сросшиеся брови и глаза влажными сливами. Это внушало большие сомнения в аутентичности товарища. Но у него также была совковая лопата, а это давало надежду. Редкий турист ходит по Москве со снегоуборочным аксессуаром и в оранжевой робе.

– Метро? Близка! Ста метра! – обрадовал меня активно

укореняющийся москвич.

– Ах, ты ж, потомок Чингисхана! – злобно бурчал Колян получасом позже.

У товарища с лопатой были какие-то свои метры, соотносящиеся с нашими по курсу один к десяти. Или же он указал нам расстояние по прямой, как летит сбитый коршун. По серпантину через лес мы шли к метро минут пятнадцать, не меньше.

– К черту человеческое общение! Только Гугл, только чистый, незамутненный искусственный интеллект! – попутно вернулся в истинную веру Колян.

– Как непросто общаться с москвичами, – сделал свой собственный вывод сын.

Высоко над нашими головами трудолюбиво скребла снег среднеазиатская реинкарнация Сусанина.

Уже дома меня осенило, что хотелось бы гулять по холодной Москве с чем-нибудь горячительным – например, с коньяком в невинной бутылочке из-под йогурта, – и муж с сыном самоотверженно отправились в магазин.

Самоотверженность Коляна была вынужденной – нашему несовершеннолетнему потомку не продали бы спиртное, а сын был искренне рад оказаться полезным. Ну, и кое-какой другой интерес у него имелся, как выяснилось.

Супермаркет находился в соседнем доме, но вернулись мои мужчины только через час – я уже начала беспокоиться,

что недооценила трудность похода, в который их отправила.

Оказалось, что покупки они сделали быстро, а потом просто болтались во дворе, потому что пошел снег – редкое природное явление в наших родных широтах, – и мальчикам захотелось слепить снежную бабу.

– Практически с натуры лепили! – похвастался муж. – С той самой блондинки-русалки!

– Она вам позировала? – удивилась я.

– Нет, но она за час дважды прошла мимо нас туда-сюда, позволяя вспомнить детали своей внешности.

– Такие детали не забудешь, – согласилась я. – Даже под пуховиком видно – минимум четвертый размер!

– Она опять не здороваётся, – пожаловался сын. – Даже отворачивается, как будто мы совсем не знакомы!

– Москвичи – они такие, – философски заметил Колян. – Не ценят роскошь простого человеческого общения. Все куда-то спешат, друг друга не замечают... Как живут? Непонятно...

– Давайте не будем обобщать, – сказала я. – В этом городе москвичей не больше половины, я думаю. Остальные – туристы, мигранты, гастарбайтеры. А мы с вами не знаем, кто нам встречается: на человеке не написано, местный он или приезжий.

Этот разговор получил необычное продолжение на следующее утро – за завтраком. Сын еще плескался под душем, а Колян уже сидел на кухне, ждал свою яичницу, а смотрел

при этом на печенье и тихо улыбался.

На печенье была отштампована корова. Ну, как корова? Совершенно безумное рогатое существо с разъявленной пастью и щупальцами вместо ног и хвоста. Такими видят родных коров отечественные производители печенья...

– О чем задумался? – спросила я.

– О Чужих, – ответил муж.

– О Чужих? С такой доброй улыбкой? Как будто лично тебе они совсем не чужие...

– Вот именно! – Супруг оживился. – Я думаю, что нетолерантно называть Чужих – Чужими. Правильно говорить – ксеноморфы.

– А что, они обижаются? Жаловались уже? – уточнила я.

Мало ли, вдруг Колян с этими Чужими, ой, пардон, ксеноморфами, уже в плотном контакте? Жутиком на печенье любитесь, как фотографией милого друга!

– А как ты думаешь! – заволновался супруг. – Тебе разве не обидно было бы, если бы люди называли тебя Чужой только за то, что ты их ешь? Ну, и еще откладываешь яйца!

– Яйца! – подхватила я. – Блин, точно, отложила!

На сковородке тихо дымила подгоревшая глазунья.

Я сбросила ее в мусорное ведро, быстро налепила бутербродов, поставила блюдо на стол:

– Приятного аппетита, – тоже села и вернулась к теме: – Ты это, я надеюсь, не к тому, что чувствуешь себя огорчительно чужим в столице нашей Родины?

– Есть немножко, конечно. Но это не критично. – Колян придвинул к себе бутерброды и плотно занялся ими.

– А ну стой! – рявкнул, как выстрелил, муж, когда мы оказались вблизи Ленинской библиотеки.

На брусчатку в обмороке грохнулся сбитый криком голубь. Я замерла, как суслик. Даже каменный Достоевский, скрипя членами, потянулся сменить сидячую позу на затребованную стоячую.

– Федор Михайлович, вольно, это я Логуновой. – Колян милостиво отпустил с миром классика и накиннулся на современника. – Ты куда бежишь? Не видишь, что тут у нас?

– Би-би... – заикаясь от испуга и мороза, начала я.

– Би-би – это синоним слова «машинка» на младенческом, а у нас тут библиотека! Имени Ленина, между прочим! А ну, встань ровно, где ж еще писателя фотографировать, если не здесь!

– Тут занято. – Я кивнула на Федора Михайловича.

– Он уже встает.

– Так мне на его постамент лезть, что ли?!

– Нет, это рано тебе. Пока так постой, – рассудил креативный фотограф.

– Достоевского тоже сфоткай! – потребовала я.

– Ладно. Федор Михайлович, улыбайтесь! Сейчас вылетит птичка...

Сбитый голубь, ответственно осознав, что это его выход,

отскреб себя от брусчатки и тяжело взлетел.

– К дождю, – проводив его взглядом, напроорочил Колян.

И не ошибся: очень скоро сверху что-то посыпалось. Не совсем дождь, скорее, мокрый снег, но тоже ничего хорошего. Я нахлобучила капюшон, муж и сын сделали то же самое.

– Папа, ты что-то уронил. – Колюшка наклонился и поднял красную пластмассовую прищепку.

– Это у меня из капюшона выпало, – объяснил Колян.

– Тут что-то написано, – сын вытянул из захвата прищепки маленький обрывок картона. – «Спасите». Что это значит?

– Дай-ка, – я забрала у него бумажку. – Это не с наших веревок прищепка, у нас деревянные. Должно быть, она упала сверху, с девятого этажа. Или с десятого.

– Должно быть, ее специально бросили вниз, чтобы подать сигнал бедствия! – у Коляна загорелись глаза.

– Сигнальная прищепка? Впервые слышу...

– Да тут не прищепка важна, а бумажка! Прищепку прицепили как грузик, чтобы бумажку ветром не снесло!

– То есть целились именно в твой капюшон?

– А куда же? Дай мне. – Муж забрал записку, повертел ее, понюхал. – Это обрывок сигаретной пачки. Смотри, как все логично: кто-то, нуждающийся в спасении, находится в квартире над нами – на девятом или десятом этаже. Сидит взаперти, вероятно, под присмотром, но может иногда выходить на балкон для перекура. Орать с высоты: «Эге-гей, спа-

сите-помогите!» – нет смысла, это услышат охранники, зато получилось подать сигнал потихоньку...

– Стоп. У кого это получилось? Кого спасать-то надо? Курильщика? Его Минздрав предупреждал...

– Кого спасать – это вопрос, – согласился Колян. – Будем разбираться.

– А куртку снова вывесим за балкон, – предложил сын. – Может быть, в нее еще что-нибудь бросят.

– Глядишь, слово за слово – к моменту отъезда проясним ситуацию, – съязвила я.

Разбираться ни с чем не хотелось, но просто умыть руки было бы некрасиво и непедagogично. Особенно после разговоров о том, что столичным жителям не хватает общительности, чуткости и отзывчивости, которыми мы, провинциалы, наделены с избытком.

К счастью, с местом, откуда прилетела просьба о помощи, удалось определиться быстро: разноцветные пластмассовые прищепки, красные, желтые и зеленые, висели на веревках этажом выше.

За балконом десятого этажа никаких веревок не было, очевидно, там свежевystиранное белье сушили в помещении. Или привозили его уже сухим и выглаженным из прачечной.

Я позвонила нашей хозяйке Вере и спросила, не знает ли она соседей сверху.

– Ой, а я же не местная, сама из Воронежа, и за квартирой только присматриваю, как администратор, кастелянша и уборщица! А что такое, соседи с верхнего этажа беспокоят? – заволновалась Вера.

– Музыку громко включают, – соврала я.

– Так я управдому позвоню, она разберется. Айн момент...

Она отключилась и перезвонила минут через пять:

– На девятом этаже над вами студенты живут, два парня и две девушки. Там тоже съемная квартира, только на долгосрочной аренде. Управдомша сказала, на тех жильцов никто еще не жаловался, они не шумят, и гости у них тихие. Но она предупредит их, чтобы были поаккуратнее с музыкой. На верхних этажах вообще-то не все квартиры еще проданы, ребята могли привыкнуть, что у них нет соседей, вот и расслабились.

Я посмотрела на часы: время было обеденное. Переключившись на детективное дело, мы досрочно завершили осмотр достопримечательностей и вернулись домой.

– Варите пельмени, а я сейчас вернусь, – пообещала я и, взяв пустой стакан, вышла из квартиры.

Поднявшись на один этаж, я позвонила в дверь квартиры над нашей и заискивающе улыбнулась дверному глазку. Он потемнел, из-за двери донесся мужской голос:

– Че нужно?

– Здравствуйте, я соседка ваша, соли немного не одолжите?

– Нет у нас соли.

– А сахара?

– Не употребляем.

Про разные другие белые порошки я спрашивать не стала – голос за дверью был уж очень недоброжелательный. Пришлось возвращаться ни с чем.

– Они уже всплыли! – доложил сын, когда я зашла в кухню.

– Наоборот, легли на дно, – пробормотала я.

– Я про пельмени! Они уже всплыли, их пора вылавливать или рано еще?

Я заглянула в кастрюлю и забрала у своего поваренка шумовку:

– Дай-ка я сама.

Пока вылавливала пельмени, рассказала, как сходила за солью.

– Маловато информации, конечно, но, в принципе, все пока укладывается в предварительную концепцию, – рассудил Колян, щедро поливая пельмени в своей тарелке сметаной. – Суровый мужик, не открывший дверь соседке, похож на охранника, который стережет кого-то внутри.

– А коврик у них замусоренный, – припомнила я. – Хотя пол в подъезде моют каждое утро, мы с вами видели сегодня уборщицу с ведром и шваброй. Значит, кто-то часто выходит из этой квартиры и возвращается, иначе не натаскали бы грязи на придверный коврик всего за полдня.

– Так надо посмотреть, кто там ходит! – загорелся сын. – Давайте устроим засаду у лифта!

– Давайте, – согласилась я. – Только надо что-то придумать, чтобы эта засада выглядела невинно. А то не понравился мне тот мужик за дверью...

– Ты же его не видела, – напомнил муж.

– Не видела, – согласилась я. – Но слышала! И за одну интонацию дала бы годик строгого режима.

– Тут, очевидно, не принято дружить с соседями, – со вздохом заметил сын.

У него явно складывалось нелестное мнение о москвичах.

В засаду пошел Колюшка.

– Староваты вы для парочки обжимающихся в подъезде подростков, – выдал он нам с бескомпромиссной прямо-той. – А у меня нормальная легенда будет: пацан с гаджетами, застрявший на лестнице, чтобы не идти домой, где сплошной напряг. Там же предки, они заставляют делать уроки и мыть посуду...

– Чур, посуду ты моешь! – быстро сказала я мужу.

– Сплошной напряг, – пожаловался он.

Сын тепло оделся, взял свой айфон с наушниками и ушел на задание. Мы принесли в прихожую табуретки, сели у открытой двери и где-то час чутко слушали, что происходит наверху. Наконец наш разведчик вернулся и доложил:

– Вышли двое – тот стриженный парень, которого мы ви-

дели с блондинкой-русалкой, и девушка, но другая, темно-волосая. Потом пришли два мужика, им какой-то парень открыл, я голоса слышал.

– О чем говорили? – заинтересовалась я.

– Я не разобрал, что-то про часы. Потом еще из квартиры напротив вышла бабка с собачкой. Обе толстые и в белых кудряшках, – сын хихикнул.

– Бабка вышла и не возвращалась? – Я вбила ноги в ботинки и потянула с вешалки куртку и сумку. – Так, теперь мой выход.

Собачка оказалась болонкой, а ее хозяйка – вовсе не бабкой, а просто толстой одышливой женщиной лет пятидесяти. Старше своего возраста она казалась из-за избыточного веса и седых кудряшек, падающих на лоб из-под вязаной шапки.

Болонка и ее хозяйка сидели на лавочке, одинаково тяжело дыша и пуча круглые черные глаза. Мохнатая попа болонки и шубный зад ее хозяйки удобно помещались на расстеленном поверх холодных досок коврик.

– Добрый день, разрешите присесть? – Я кивнула на свободный край туристической пенки.

– Садись, нам не жалко, – разрешила собачья хозяйка и даже немного подвинулась.

– Вы местные? – спросила я и показала свое удостоверение члена Российского союза журналистов. – Я собираю материал для программы «Москва и москвичи»...

– Нашла, где москвичей искать! – Тетка фыркнула и за-

тряслась, как желе. – Насмешила! Тут новостройки кругом, а в них квартиры кто покупает? Приезжие!

– У кого жилье в столице – тот москвич...

– Ну, тогда и я москвичка! – Тетка приосанилась. – Гожусь для программы?

– А почему нет, вы расскажите о себе побольше. – Я достала мобильный и включила диктофон. – Не возражаете?

– Мне скрывать нечего, записывай: Солнцева я, Анна Петровна, шестьдесят седьмого года рождения. Сама из Саратова, в Москве уже четвертый год. Перебралась, когда узнала, что тут мэрия пенсионерам приплачивает, минимум двадцать тысяч получается. В Саратове мне такой пенсии не получить, там мало платили, я же простой бухгалтер...

– А что нужно, чтобы получать двадцать тысяч? – заинтересовалась я.

– Минимум десять лет до выхода на пенсию отработать, имея столичную прописку. Так я квартиру свою в Саратове продала, в Москве сначала комнату купила и прописалась, потом работу нашла и взяла в ипотеку однушку здесь, – она кивнула на дом.

– Одна живете? Не скучно? С соседями дружите?

– У меня Жорка есть, Жоржетта то бишь, – Анна Петровна погладила болонку, и та завертелась, радуясь ласке. – А соседи тут, в Москве, уж очень странный предмет: то ли он есть, то ли его нет. Я своих ни по имени не знаю, ни в лицо не помню, отличаю одну Дездемонку.

– Кого-кого?

– Дездемонку! Ну, это я так ее называю, а она, может, Катя там или Даша. Красивая белокурая девка...

– А почему Дездемонка-то? – Я придвинулась ближе, демонстрируя неподдельный интерес.

– А она как-то выскочила из своей квартиры почти голая, в одной шелковой распашонке, растрепанная – и давай в соседнюю дверь биться: помогите, пустите! Не знала, видно, что в той квартире никто не живет. А за ней мужик выпрыгнул, здоровый, черный...

– Негр?!

– Нет, просто брюнет, и весь волосатый – я разглядела, ведь он тоже чуть ли не голый был, в одних трусах. Чернявый, смуглый – а она вся беленькая, ну, чисто Отелло и Дездемона!

– Настоящий Отелло Дездемону задушил, – напомнила я.

– А то я не знаю! Нет, этот Отелка свою Дездемонку назад в квартиру уволок и дверь захлопнул. Что там у них было дальше, не знаю, только девка та живехонька, я ее часто вижу, правда, с другими парнями. – Анна Петровна помолчала, подумала и одобрительно кивнула: – Видно, с тем чернявым она рассталась, и правильно, больно уж буйный.

Она покосилась на меня:

– Ну что, интересно тебе?

– Очень!

– То-то же. – Женщина встала, и собачка спрыгнула с ла-

вочки. – Тогда поднимайся, я коврик сверну, нам с Жоркой еще в булочную надо, там сейчас как раз свежий хлеб будет.

Держа в одной руке тугой рулон пенки, а в другой – поводок семенящей собачки, Анна Петровна вперевалку направилась к выходу со двора. Почти сразу же рядом со мной возникли муж и сын.

– Давай, мы послушаем твой доклад на ходу, – сказал Колян, подхватив меня под локоть. – Мы решили не сидеть дома и посмотреть еще одну достопримечательность.

– Не понял! Где она?! – дробной рысью проскакав по парку Горького, возмущенно спросил Колян.

– Кто – она? – Я нахмурилась.

Нормально, да? Родной муж при живой жене какую-то бабу ищет!

– Она! – Супруг размашистыми жестами начертал в воздухе нечто габаритное, и плывущий по реке теплоход отчетливо вильнул влево – не иначе принял концептуальное рукомашество за сигнал семафора. – Баба с этим самым!

– В сауне? – ехидно предположила я.

Не маленькая же, знаю, где водятся такие гнусные бабы.

– Да кто же ходит в сауну с веслом? – озадачился Колян.

– А! Ты ищешь статую «Девушка с веслом»? – сообразила я, стремительно добрая. – Так ее, наверное, на зиму в какой-нибудь ящик спрятали, чтобы не испортилась.

– Ужас, – супруг поежился. – «Девушка в ящике с веслом»

звучит почти так же жутко, как «Смерть с косой». Только представь!

Я послушно представила: весна, работяги с гвоздодерами вскрывают на сыром газоне объемистый гробик, а внутри – она: бледная, в пятнах плесени, со слепыми глазами. И с веслом! Вправду – ужас.

– Ладно, тогда сама встань вон там, между колоннами, – решил супруг.

– Но без весла и в одежде? – уточнила я на всякий случай.

– Вечно ты все испортишь! – Колян вздохнул и сфотографировал что дали.

Потом мы там же, в беседке, пили чай из термоса. Муж, любуясь монументальным зданием министерства на другом берегу, сказал:

– По-моему, к нашему детективному делу пора привлечь профессионалов.

– По-моему, в этом деле уже есть профессионалки, – сказала я осторожно, чтобы сын не понял, о чем я говорю.

– То-то и оно, – кивнул Колян. – По всему выходит, что в квартире над нами что-то вроде подпольного борделя.

Я толкнула его локтем и показала глазами на сына.

– Да знаю я, что такое бордель! – высокомерно сообщил Колюшка и хрустнул печенькой.

– Откуда?!

– Из интернета, мам, успокойся. Короче, получается так: блондинку-русалку держат в сексуальном рабстве. Она хочет

вырваться. Надеется на нас. Мы ей поможем? – Сын требовательно посмотрел на меня и перевел взгляд на папу.

– Нашла, кого просить о помощи, – досадливо пробормотал Колян, явно не зная, что ответить на прямой вопрос по существу.

– Ну а кого, пап? – Сын заволновался. – Ты же видишь – тут никто никого не замечает, всем друг на друга плевать!

– А мы приехали такие – всем здравствуйте, добрый день, давайте знакомиться и дружить, – язвительно проворчала я, уже почти сожалея о нашей традиционной тактике. – Уффф... Ну, как мы можем ей помочь? В полицию заявить? Так у нас никаких фактов нет, одни только домыслы. Участковому сообщить? Он если и придет проверить, что там происходит, то ничего особенно не увидит – ну, съемная квартира, ну, студенты живут. При нем-то ничего предосудительного происходить не будет, и сами девочки в присутствии сутенеров и сторожей ни слова не скажут, побоятся.

– А, так вот почему она с нами здороваться не стала! – обрадовался сын. – Боялась вызывать подозрения у охранников!

– В общем, не знаю я, что делать, – заключила я. – Будем думать.

– Но не слишком долго, нам ведь скоро уезжать, – напомнил сын.

Утром мы поехали в Царицыно. Гуляли там, любовались

красотами. Потом надолго зависли у плотины, наблюдая за утками.

– Раньше я недооценивал уток, – задумчиво сказал Колян. – Сырых, в смысле – живых. Жареные-то они мне и прежде очень нравились...

– Но казались малоинтеллектуальными существами, высшее достижение которых – сезонный перелет без помощи авиакомпании в теплые края в компании пучеглазой лягушки на прутике? – съехидничала я.

– Но сегодня я прозрел: утки, оказывается, умеют развлекаться, а это несомненный признак интеллекта! – закончил свою мысль супруг.

Утки большой толпой сидели на льду за плотиной. Сидели, сидели... Вдруг раздался командный вопль, этакий крик души – вся пернатая тусовка взлетела и стремительно перебазировалась на открытую воду метрах в двадцати ниже.

Радостно рухнув пузом в пруд, криквы сложили крылья, замолчали, зажмурились и несколько минут убедительно притворялись невинными резиновыми уточками в ванне. Потом по одной стали вылезать на берег и целеустремленно пошлепали за плотину.

Там они опять собрались в кучу, как мирные демонстранты, только без транспарантов.

Дожидались командного крика своего главаря – и снова дружно полетели в воду!

– Ей-богу, никогда не видала более зрелищного и эффек-

ного флешмоба! – призналась я.

– Знаешь, о чем я думаю? – Колян отвернулся от уточек и посмотрел на меня.

– Как бы помочь блондинке-русалке? – безошибочно угадала я. – Сама о том же думаю... Эх, были бы мы в Краснодаре, я бы нашла, кому позвонить, но тут, в Москве... Я никого не знаю в органах...

– А ты посмотри на них, – муж кивнул на уток. – Они перелетают с места на место. Но ведь и люди тоже! Прикинь, сколько бывших наших живет в Москве. Паша Жуков и Дима Петренко работают на Первом, Саня Дробот на «России», на «Раше Тудей» целая куча бывших краснодарцев и сочинцев, Венчик Романов в Коммерсе, Лариска твоя в ТАСС, а сколько еще журналистов на фрилансе...

– Коля, ты гений! – сказала я совершенно искренне.

– А что это вы тут замышляете? – набежал сынище, наблюдавший уток вблизи, и с разбегу обнял родителей двумя руками.

– Да ничего особенного – хотим организовать вечер встречи давних друзей!

Организовывать ничего не пришлось. Едва мы начали обзванивать бывших земляков, как выяснилось, что Пашка Жуков как раз собирает народ, чтобы обмыть очередной добытый им кинофестивальный приз, и мы сразу же получили приглашение на этот сабантуй.

Вечер встречи давних друзей затянулся чуть ли не до утра. Начиналось все пафосно в ресторане Дома кино, оттуда чуть поредевшая компания откочевала в уютный паб без претензий. В финале плотная группа из полудюжины старых боевых товарищей переместилась на нашу съемную квартиру – как выяснилось, почти никто из бывших краснодарцев не обзавелся жильем в центре столицы. Только у Димки Петренко, пробившегося в топы, имелась двушка в районе трех вокзалов, но там в глухой ночной час мирно спали – он так надеялся – восьмимесячные двойняшки Витя и Рома, а также их счастливая до смерти мама.

Детективное «Дело Русалки», как поэтично назвал его Пашка Жуков, обсуждали уже на нашей кухне.

– Ребята! Да не вопрос! Я даже знаю, кому... кто... Все решим! – клялся Пашка, положив руку, как на Библию, на обнаруженный в нашем холодильнике кусок домашнего кубанского сала в холстинке.

В начале вечера Жуков был чопорным и чинным, как аглицкий лорд, но к его концу опростился, снял смокинг, закатал рукава белой рубашки и, пьяно щурясь, аккуратно, как по линейке, резал сало, назидательно бормоча про правильную толщину ломтиков «як бабка моя казала – шматочками».

– Люди... Какие люди... – ронял слезинки в рюмку расстроженный Димка Петренко, и было непонятно, кем именно он восхищается. Возможно, всем человечеством. Нетрезвый

Димка всегда любил людей, особенно женского пола. — Да я щас сам пойду... в разведку! Боем! — Он порывался встать, выворачивая карманы своего пиджака и Пашкиного смокинга. — Почем у них там, дорого? У русалок на девятом этаже?

— Сиди уже, отец-герой! — приземляла его на место Лариска, которая когда-то была Трофимовой, а потом Кацман, Казарян, Песоцкой, еще какой-то — я, кажется, не все ее замужества отследила. — Лен, не волнуйся! Мы вас не рассекретим, тс-с-с-с, и все устроим в лучшем виде. У меня есть свои люди в ГУВД, я с их пресс-службой вась-вась, а у Женьки прекрасные связи с общественными организациями, он как раз про них передачи снимает... Эй, Женец! — и она тормозила Маркова с «Раша Тудей».

— Да, я жнец! — охотно соглашался Женька. — И швец!

— И на дуде игрец, — хохоча, подсказывала я.

— И спец! — воздевал указательный палец жнец-Женец. — Ка-ак раз по таким организациям. «Антирабство», вот кто тут нужен! Я завтра же позвоню...

— Короче, ребята, вы расслабьтесь и отдохайте, считайте, мы уже подключились и непременно добьем это дело, — пообещала за всех Лариска, самая трезвая и вменяемая.

— А нам что делать? — Я не готова была просто переложить груз забот на чужие плечи.

Мы же в ответе за тех, кого приручили.

Ладно, не приручили — обнадежили.

— А вы отдыхайте! Гуляйте! Смотрите столицу! — Жуков

просторно махнул руками, охватывая московские просторы. – Вы ж эти... гости нашего города!

– Тоже мне, столичные жители!

Под утро, рассадив своих поздних гостей по вызванным машинам такси, мы с Коляном вернулись в квартиру и обнаружили на кухне сына – в пижаме и со стаканом воды.

– Разошлись наконец? – проворчал он и зевнул. – Веселые у вас друзья...

– Помешали тебе спать? – огорчилась я.

– Да нет... Даже порадовали. – Сын выпил воду, поставил стакан и пошел к себе, обронив на ходу: – Приятно видеть, что есть и вполне нормальные москвичи...

– Рейкьявик! – объявил сын и посмотрел на меня с превосходством.

На букву «К» мы уже перебрали все, что можно. Даже Кито, Каракас и Кайену успели назвать.

Очень кстати зазвонил мой телефон. Я обрадовалась возможности потянуть с ответом и прилепила к уху трубку:

– Алло?

– Алло, Алена! – радостно пробасил Пашка Жуков. – Вы еще не в самолете? Отлично, я звоню с отчетом по делу Русалки.

Я жестом пригласила мужа и сына придвинуться ближе и включила громкую связь.

– В общем, так. Мерси вам за темку, я на этом мате-

риале роскошную документалку забабахая, еще какую-нибудь «ТЭФИ» загребу, – сказал Пашка. – Девчонка оказалась жительницей Украины. Ее обманом вывезли в Москву из Луганской области приятели школьной подружки: посадили в свою машину, отвезли на границу, там украинские пограничники помогли девушке перебраться через забор, а их российские коллеги приняли ее с другой стороны. В Москве доставили на квартиру, объяснили правила: хочешь есть-пить и ходить небитой – трудись, как жрица любви. Будешь противиться, пытаться убежать – отправишься на другую квартиру, где девушек накачивают наркотиками и насилюют.

– Твари! – не удержалась я.

– Твари, – с готовностью согласился Пашка. – Но какой бизнес построили! Им одна эта ваша Русалка приносила от двенадцати до сорока тысяч в день. Ну, ясное дело, работала она почти круглые сутки, и дома, и на выезде, ее морили голодом и постоянно за ней следили. Кроме того, в случае избиения девушки клиентами за нее никто не заступался, заставляли ее решать конфликты самостоятельно. В общем, конкретное такое сексуальное рабство. Жаль девку, правда, она вообще-то не пропащая и не дура...

– Так вы ее вытащили? – перебила я.

– А как же! Женька постучался в фонд борьбы с рабством «Альтернатива». Там знают, как такие истории разруливать. Короче, девушку перехватили, когда она ехала к очередному

клиенту.

– А рабовладельцев наказали? – спросил Колян.

– С этим сложнее, рабовладельцы оказались гражданами Украины, так что возбудить в отношении преступников уголовное дело проблематично. – Пашка печально вздохнул, но тут же снова повеселел: – Зато Русалочка ваша уже дома, в родном Коростене!

– Где?!

– Коростень – это такой старинный городок...

– Так его же сожгли!

– Да? Когда? – Пашка малость встревожился.

Муж и сын посмотрели на меня: сын вопросительно, муж – с откровенным негодованием.

– Э-э-э... В десятом веке? – припомнила я неуверенно.

– А, ну, с тех пор, видать, отстроили заново, – успокоился Жуков. – Короче, все в порядке. До новых встреч! Приезжайте еще и непременно привозите сало!

Он отключился. Я посмотрела на трубку и убрала ее в карман.

– Ну? Ничего не хочешь сказать? – Колян посверлил меня взглядом.

– Хочу, – кивнула я, не запираясь. – Коростень!

– Что – Коростень?

– Есть такой город на букву «К» – Коростень!

Сын посмотрел на возмущенное лицо папы и захихикал:

– Называй уже город на «Н» или сдавайся – нам как раз

посадку объявили!

Татьяна Устинова

Свидание с Богом у огня: Разговоры о жизни, любви и самом важном

Счастливый день

Разговор об этой самой экскурсии зашел первого января, ну вы понимаете!.. Первое января – самое время планировать экскурсии, поездки, пикники, летний отдых, зимние забавы и всякое такое, ибо шампанского в холодильнике еще много, на работу пока не надо, завтрак самое раннее в три часа дня, в телевизоре комедия или песнопения, на елке огоньки, никто не ссорится, все довольны, и подарки еще не потеряли новизну и привлекательность.

Сразу хочется чего-то... эдакого. Небывалого. Несбыточного. Невозможного. Например, пятого января. Вот на экскурсию поехать.

Каждый год первого января к пяти часам мы отправляемся в гости к друзьям и там веселимся от души. Шампанского во всех холодильниках очень много. Люди все родные. Елка упирается в потолок. Дедушка Мороз – правда! – водит

хоровод и поет, а мы подпеваем и приплясываем. И строим всякие планы. В этом году мы твердо-претвердо решили ехать на экскурсию. Сейчас еще шампанского, и уже можно ехать!.. Когда мы в последний раз были на экскурсии? Вот то-то же, никто не может вспомнить, а, между прочим, жизнь проходит мимо – в этом смысле.

Потом, ясное дело, наступило третье января, потом пятое, потом нужно на работу, начало года, командировки, срочные дела, причем в каком-то необыкновенном количестве, кажется, в прошлом году все же было как-то не так, как-то полегче было, ты не помнишь? А что мы делали в прошлом году в это время?..

Ленка прислала угрожающую записку – терпеть я не могу слово «эсэмэска»! В том смысле, что экскурсия уже через неделю, а мы ни с места. Билетов нет, программы нет, и вообще как будто не едем!

Я помчалась и купила три билета – нас как раз трое, три грации, Лена, Арина и я. Потом оказалось, что Ленка тоже купила билеты, и нужно кого-то брать с собой, чтобы «места не пропадали». Хорошо, возьмем детей. Им-то уж точно нужно просвещаться, мы же едем просвещаться!.. Понятное дело, из «веселых девчонок» и «граций» мы моментально превращаемся в «женщин-матерей», а это уже немного не то, что планировалось первого января, ну и ладно! Мы всегда на посту! Мы всегда готовы действовать в интересах семьи и детей! Мы всегда...

Тут позвонила экскурсовод Татьяна Алексеевна в некоторой панике. Это совсем не детская экскурсия, сказала Татьяна Алексеевна робко, опасаясь, что мы будем настаивать на просвещении детей. Лучше взять их с собой в другой раз, сказала Татьяна Алексеевна, когда программа будет более подходящей. Пришлось приглашать с собой мужей, и они почему-то согласились.

Чем ближе к воскресенью, то есть к экскурсии, тем отчетливей мы понимали, что ехать нам совершенно расхотелось. Мало ли что было первого января, когда в холодильнике полно шампанского, а до работы еще целая вечность!..

Сейчас, сегодня все не так.

Во-первых, воскресенье – единственный день, когда можно выспаться, а получается, что нельзя, ибо автобус уходит с Садовой-Кудринской в 8.45 утра. Боже, помоги нам!.. Во-вторых, воскресенье – единственный день, когда можно осязать детей, а получается, что нельзя, ибо мы уезжаем в 8.45 утра, а они остаются, и как пить дать, не будет никаких уроков и полезной трудовой деятельности, а будет друг Диман, партия в настольный «Вархаммер» и заказ пиццы по телефону. В-третьих, воскресенье – единственный день, когда можно соорудить «задел» до будущего воскресенья, постирать, погладить, сварить бульон, чтобы заказ пиццы по телефону не перешел в привычку.

И еще непонятно, что надевать? Вот что надевать?.. По плану мы возвращаемся на Садовую-Кудринскую часов в де-

сять вечера, целый день в пути, нужно одеться «тепло и удобно», это что значит?.. Лакированные ботинки, столь милые сердцу на работе, и короткая шубейка дивного невесомого меха – моя бабушка утверждала, что такая шубейка называется почему-то «полперденчик», – не годятся решительно, это никак не тепло и уж точно совсем не удобно! Тогда что? Спортивный костюм, шапку и пуховик? Валенки, шубу и «оренбургский пуховый платок»? Где мой «оренбургский пуховый платок»?

Слушай, я, наверное, не поеду. Нет, ну мы же собирались! Ну раз в жизни-то – вот в этой, взрослой, – можно поехать! А голос в трубке нерадостный, и чувствуется, что тоже неохота, совсем неохота, но ведь ввязались, надо ехать!..

В ночь с субботы на воскресенье еще похолодало, выпали звезды, как в Диканьке, и до рассвета было еще очень далеко, когда мы двинули на экскурсию. В автобусе было пятьдесят экскурсантов, все сонные и вялые. Никаких детей, программа «взрослая».

Я, ежу понятно, опаздывала, и подруги «заняли мне место» – я знаю, так полагается еще с тех времен, когда на экскурсии нас с сестрой возила мама. Пробравшись ко мне по узкому, как в самолете, проходу, насмешливая Арина сказала в ухо:

– Вот и мы теперь пенсионеры! Едем в воскресенье на автобусную экскурсию!

Автобус неторопливо поплыл прочь из Москвы по аб-

солютно пустым улицам, залитым электрическим светом, я приготовилась спать, но почему-то расхотелось. Так странно было ехать и знать, что автобус увозит меня на целый день и сейчас я окажусь в незнакомом месте, которое любил человек гениальный и странный, совершенно для меня непонятный, написавший когда-то, «что радость будет, что в тихой гавани все корабли, что на чужбине усталые люди светлую жизнь себе обрели».

Очень скоро мы приехали в рассвет – мелькавшая за зимними деревьями глубокая чернота стала снизу наливаться розовым и оранжевым, и там, где розовое и оранжевое касалось черного, все становилось почему-то синим, и оказалось, что уже нет никакой темноты, а есть голубое утреннее ледяное небо. И еще целый день впереди!.. И вообще все еще впереди.

На заправке, где предполагалась «минутка отдыха», мы с Ариной страшно захотели есть и нацелились на шоколадки и орехи в пакетиках, но бдительная Лена нам не разрешила – как можно?! Вы что, не завтракали?! Мы с Ариной проблеяли, что не завтракали. Нужно было дома позавтракать овсянкой и сыром, а не пихать в рот на заправке всякую ерунду! Мы послушно отошли от шоколадок и стали совещаться, как бы нам усыпить Ленкину бдительность. День еще почти не начался, а уже страшно хочется есть! Усыпить не удалось. Лена ведет по телевизору программу «Здоровье» и точно знает, что нам полезно, а что нет, и мы ее слушаемся, так

уж повелось.

В наш теплый корабль-автобус мы тем не менее вернулись в прекрасном настроении – мы едем на экскурсию, и у нас еще весь день впереди! Вскоре с восемнадцати- или сорокаполосной дороги мы свернули на узкую деревенскую, где на обочинах высились наваленные снегоочистителем сугробы, на заборах сидели недовольные утренние коты, и бодрые дядьки в ушанках и телогрейках орудовали лопатами, отбрасывали снег от невысоких крылечек. По деревенской дороге мы ехали долго и интересно, а потом автобус остановился – дальше расчищена только узкая дорожка, не проехать, к дому на горوشке нужно подниматься пешком.

Какие-то ребята катались с длинной ледяной горки – у-ух!... – уезжали далеко-далеко, голоса отчетливо звучали в морозном и чистом воздухе, мелькали разноцветные помпоны и комбинезоны. Снеговая пыль, похожая на бриллиантовую, переливалась между ветками берез, и мы остановились и долго смотрели, как она переливается. Синие плотные тени лежали на сугробах, и приходилось зажмуриваться, переходя из тени в свет, на ослепительное и яростное солнце. Калитка проскрипела, пуская нас, и с верхней перекладины бесшумно обрушился пласт легкого и чистого снега.

Мы провели в небольшом сером доме несколько часов. Мы слушали экскурсовода, не смея пошевелиться. Мы смотрели по сторонам и в окна, где был сад, спускавшийся с холма к зимнему лесу. Потом мы мчались по узкой расчищен-

ной дорожке к автобусу, а нас все ждали, а мы опоздали, потому что никак не могли уйти из заснеженного сада, от кустов старой сирени, от террасы с широкими и пологими ступенями, все нас тянуло побыть еще немножко!

Наш теплый корабль поплыл по снеговым волнам и вскоре приплыл к железным воротцам пансионата «Орбита», где нам был обещан обед. Тут мы вспомнили, что нам невыносимо хотелось есть еще на заправке, и мы помчались на обед большими прыжками, и занимали друг другу место – так положено на экскурсии!..

На обед были борщ с пампушками, «битки паровые», огромный чайник огненного чая, а к нему плюшки, щедро посыпанные сахарной пудрой, все очень вкусное и какое-то... настоящее. Плюшки мы тоже съели, и Ленка не возражала нисколько. Стены столовой, где наша экскурсия обедала за сдвинутыми столами, были почему-то расписаны сценами из жизни Древнего Рима – люди в тогах и сандалиях, колонны, портики и дымящиеся вулканы, – и мы с удовольствием рассматривали сцены.

Когда мы вывалились к автобусу, большая худая собака подошла поздороваться, и мы несколько раз сбегали в столовую за угощением. Собака угощение приняла, а повариха сказала, что собака болела долго, а сейчас только поправляется, оттого и худая.

И день продолжался!.. Мы бродили возле храма, где венчался когда-то тот самый гениальный человек, что написал

про девушку, которая «пела в церковном хоре», смотрели с обрыва на замерзшую речку, и зуб не попадал у нас на зуб от восторга и холода.

Мы возвращались в Москву ночью, притихшие и уставшие от радостных сегодняшних переживаний, когда вдруг один из наших мужей, попросив у экскурсовода микрофон, сказал на весь автобус:

– Сегодня был один из самых лучших дней в нашей жизни. Не знаю, как это так получилось. Но зато я точно знаю, что мы будем вспоминать его всю жизнь. Он заканчивается, конечно, но все-таки он у нас был!

И все заплодировали.

На Садовой-Кудринской, запруженной машинами и людьми, мы сговорились, что через две недели опять поедем на экскурсию. Только детей с собой возьмем. Чтобы им тоже потом было что вспомнить.

Анна и Сергей Литвиновы

Золотое, зеленое, белое

Скоро Рождество, и на улице метель. Снежинки дразнят прохожих, веселят собак, врываются в распахнутое окно. Пахнет морозцем и мандаринами, малышня лепит снеговиков, школьники с хохотом опутывают мишурой елку под ее балконом... Праздник уже совсем на носу, к празднику нужно завершить все дела, и Варя, стиснув зубы, сидит за компьютером.

Варина профессия называется «автор любовных романов». Звучит, может, и легкомысленно, но на самом деле работка адова: до бесконечности описывать, как встретились два одиночества, как между ними «промелькнула искорка»... А потом нужно придумать для влюбленных миллион препятствий, ссорить их и мирить и закончить роман роскошной любовной сценой в подобающем антураже.

Варя успела написать уже десять романов и порядком устала от фальшивой и бесконечной любви. От победительных героев – роскошных блондинок и прекрасных принцев с бездонными глазами. От неизбежных литературных штампов. Но больше всего ей надоел неизбежный хеппи-энд.

Однако насчет хеппи-энда издатели всегда предупрежда-

ли особо: «Счастливым конц — девяносто процентов успеха, и лучше всего, чтобы развязка случилась под Рождество и закончилась бы настоящей рождественской сказкой».

И Варя торопливо дописывала очередной хеппи-энд:

«Машина осторожно кралась по скользкой колее. Дорогу обступал безмолвный зимний лес — величественный, словно Берендеево царство. «Как в сказке», — подумала она и ласково дотронулась до щеки сидящего за рулем мужчины:

— Долго еще, милый?

Он смело бросил мощную машину в поворот, и могучие ели наконец расступились. Впереди, на пригорке, показался аккуратный деревянный домик в смешной снежной шапочке. Жизнерадостные огоньки окон в поздних сумерках, наряженная елка у калитки, умиротворяющий дымок из трубы...

— Это... это твое? — недоверчиво спросила девушка.

Он на секунду оторвался от руля:

— Почему же — мое? Это — наше!

— И домик, и елка, и камин? — продолжала допытываться она.

— Ну да же, да! Я ведь обещал тебе подарок! А что дарить на Рождество? Только сказки...

И тогда она, уже не волнуясь, что ее друг не справится с управлением, бросилась ему на шею и начала истово целовать его глаза, щеки, нос...

— Что ты делаешь?.. — Он сделал вид, что сердится. Но,

конечно, тоже не выдержал. Остановил машину и впился в ее губы жарким, требовательным поцелуем...

Теперь они оба ничего не видели, кроме друг друга и своей любви, а зимний лес со снисходительной снежной улыбкой упивался их счастьем».

Ф-фу, наконец-то!

Вот и еще один любовный роман появился на свет.

Варя улыбнулась и выключила компьютер. Что ж, читателям нужны сказки, а ей, автору, – деньги. Деньги на то, чтобы ее собственное Рождество – реальное, а не книжное – получилось незабываемым.

Праздник Варя планировала провести с героем собственного романа, то бишь с бойфрендом по имени Макс. Внешне Макс – настоящий симпатяга, почти такой же, каким она описывает положительных мужчин в своих книгах. Одна беда: характер у Макса с легкой гнильцой. И положиться на него нельзя. И, что немаловажно, яхт он ей не покупает, и даже на новую сумочку для нее у него не хватило... Зато разных идей у Макса – море. Вот и по поводу этого праздника, еще в октябре, он предложил:

– Варечка, давай к Рождеству готовиться!

– И чего бы ты хотел? – осторожно спросила она.

В Максовом репертуаре уже было: встречать прошлый Новый год в бассейне, а на Первое мая под покровом ночи махнуть коньячку и нырнуть в фонтан в парке Горького. Еле тогда отбилась от его безумных идей...

– Давай на Рождество на острова уедем? – предложил Макс.

– Куда-а? – Варя даже не поняла.

– Ну, на юг, – терпеливо пояснил Макс. – В Южное полушарие. Или как минимум на экватор.

Варя фыркнула:

– Ты что, моих романов не читал? Не знаешь, как нужно Рождество проводить?

– Читал, знаю, – суксился Макс. – Белый снег, деревянный домик, живая елка и прочая мура. Фу! Посмотри лучше, какую я рекламку принес. – Он продемонстрировал яркую листовку. – «Пальмы и теплый океан у ваших ног».

Варя вырвала из его рук буклет, внимательно рассмотрела картинку с девицей в белом купальнике под кокосовой пальмой, потом изучила цены и грустно вернула рекламу Макс:

– Да ну тебя! Смеешься, что ли? Ты посмотри, сколько это стоит! Особенно на Рождество. Туда же вся Европа едет!

– А по-моему, ничего особенно страшного, – пожал плечами Макс. Похоже, он уже все просчитал. – Тебе – пару романчиков написать, а мне – пяток проектов начертить.

– Ага. Как минимум три месяца работы, – подхватила Варя. – И то если не есть, не пить и сумку новую не покупать.

– Ну и что? – легкомысленно спросил Макс. – Зато какие воспоминания! Ты только почитай, что там, на острове, есть: личное бунгало, во внутреннем дворике – джакузи, по саду страусы шляются, а за соседним столиком в ресторане мил-

лионеры торчат. Вот это будет праздник! Не то что в твоих разлюбезных избушках... – Он пренебрежительно махнул в сторону стопочки Вариных любовных романов, выстроенных на книжной полке.

– Ты к моим избушкам не цепляйся, – строго сказала Варя. – Как могу, так и зарабатываю. И почему тебе вообще приспичило на эти острова? Хочешь развлечься – поехали в Европу. В Вену, например. Или в Прагу.

– Да нужны они мне сто лет! – сморщился Макс. – Каменные джунгли. И такой же, как у нас, холод. А на островах – песок белее, чем сахар, заросли пальм, а в океане живут волшебные рыбки...

Варя задумалась. Неуверенно сказала:

– Но почему именно сейчас? Ведь на праздники все так дорожает... Поехали, скажем, в марте?

– Варечка, милая, – не отставал Макс. – В марте там, конечно, тоже хорошо. Но ты только представь: предсказывают, что на Рождество в Москве будет дождь. Вот и подумай: вдруг не обманут вруны синоптики?! Будет унылая, противная, мерзкая хлябь! Все забьются по квартирам и возьмутся пить водку. А мы с тобой, как короли, сядем в самолет и улетим на край света. В беззаботную кокосовую страну. Вот это будет сказка, это я понимаю! Похлеще твоих любовных романов!

– Ну, Макс, ты и придумал... – вздохнула Варя.

– Ты согласна? Полетим? – просиял он.

– Попробуем, – кивнула Варя. – Только так: с сегодняшнего дня ты все свои деньги мне отдавай, а то я тебя, транжиру, знаю... За тобой если не присматривать – мигом промотаешь.

...Варя до последнего дня не верила, что у них получится уехать в тропический рай. Она всегда доверяла своей интуиции, а интуиция неумолимо подсказывала: никаких островов не выйдет. Уж больно не вязалось: в Москве снег и холод, а они, словно буржуи, жируют в теплых краях. Обязательно что-то случится и им помешает...

Но, к ее удивлению, Рождество близились, однако ничего плохого не происходило. Им везло. Издательство честно платило все гонорары, а Макс послушно отдавал ей все деньги, что зарабатывал, и пил только дешевое пиво. Неужели у них и правда все состоится?!

Сегодня утром, за два дня до Рождества, они с Максом съездили в туристическое агентство. Оплатили билеты, трансфер и путевку.

Пяти зеленых, с трудом заработанных тысяч было жаль. Зато они выслушали ворох восторженных заверений: «Вы не пожалеете! Это будет полный эксклюзив, самое яркое воспоминание в вашей жизни!»

Макс от каждого слова туристической тетеньки млел. И нахально шепнул Варе: «Учись, детка, какими должны быть хеппи-энды!»

А потом он деловито поместил билеты, туристические ва-

учеры и тощую стопочку сдачи в кейс, и они побежали каждый по своим делам. Варя – к парикмахеру и за новым купальником. Макс – на работу, доделывать какой-то спешный проект.

– Завтра мы нырнем в океан! – поцеловал он ее на прощание.

– Не сглазь! – привычно цыкнула Варя.

Она улыбнулась вслед Максу. Настроение, хоть на улице и пурга поднялась, было солнечным – словно они уже на островах. Наверно, Макс все же прав: так здорово улететь из зимы в лето, из обычного Рождества в Рождество сказочное...

Домой Варя вернулась поздно. К купальнику пришлось покупать парео и модные шлепанцы с клубничинами, а парикмахер уговорил ее осветлить несколько прядей: «Знаете, как будет красиво, когда вы в тропики попадете. Получится, будто солнце в волосах играет!»

Едва открыла дверь – замерла на пороге: в квартире оказалось темно и очень холодно. Из-за распахнутых по всем комнатам окон гулял ледяной сквозняк, а с улицы слышались бессвязные песни – похоже, граждане начали отмечать Рождество заблаговременно.

– Макс! – тревожно крикнула Варя. – Макс, ты где?

Тишина. Сердце забарабанило. Семнадцатый этаж, открытые окна, и Макс – такой непредсказуемый, нервный и, как говорит знакомый врач, «психически нестабильный».

Варя отшвырнула пакеты с покупками и на дрожащих но-

гах вошла в гостиную – никого. Только в разверстые окна летит снег, понемногу укутывает искусственную наряженную елочку...

Варя бросилась к подоконнику, жалобно крича:

– Макс, Макс!

– Я здесь, – донесся его голос из спальни. – Иди сюда.

Ноги дрожали, зуб не попадал на зуб. «Да чего я так испугалась-то? – успокаивала себя Варя. – Просто холодно в квартире, вот я и трясусь...»

– Ты зачем квартиру выстудил? – строго спросила она, врываясь в спальню.

Окно здесь тоже было распахнуто. А Макс, в одной майке, стоял, облокотившись на ледяной подоконник. Лицо – закаменевшее, пустое. В волосах плачут снежинки.

– Что случилось? – тихо спросила Варя.

Ответом был такой взгляд, что ее снова передернуло, словно от арктического холода.

– Пожалуйста, говори! – взмолилась она. – Не молчи.

Он собрал с подоконника горсть снежинок, сдавил их в мокрый комок... тихо выдохнул:

– Варюшка, я просто не знаю, как тебе об этом сказать...

Она почувствовала, как ее наполняет ярость. Не из-за того, что что-то явно случилось, а исключительно из-за антуража. Словно она находится внутри фильма, который снимает режиссер-авангардист: огоньки иллюминации за распахнутым окном, снег на подоконнике и закаменевший взгляд

Макса. И его монотонный монолог:

– Варечка, я знаю, что виноват. Но я не мог. Просто не мог остановиться, понимаешь? Я хотел как лучше... Ты же сама сказала, что на этот курорт нужно брать как минимум пару тысяч на расходы... На СПА там всякие, на тропические коктейли... А у нас только тысяча была. Вот я и подумал... В общем, заглянул в казино. На полчаса. Нам ведь так фартило весь последний месяц, что я и не сомневался – и здесь подфартит. Что я эту штуку несчастную в момент подниму...

– И в итоге? – Варя постаралась, чтобы голос звучал спокойно.

Он не ответил. Отвернулся к окну, и Варя машинально отметила, что Максу очень идут майка на голое тело и снежинки, угасающие в волосах. А его глаза – голубые и такие прозрачные, что в них отражаются всполохи уличной иллюминации, – красивы просто фантастической красотой. На рождественских каникулах они с ним будут самой красивой парой...

– Сначала все шло шикарно. А потом... потом... Ну не смотри на меня так, я не выдержу!

– Сколько ты проиграл? – ледяным тоном спросила она.

– Ну, тысячу, с которой пришел...

«Вот я идиотка! Не подумала, закрутилась... Надо было эту штуку себе забрать! Впрочем, ничего страшного не случилось, хотя повернуть на него, конечно, придется... Сначала

ла вкручу ему мозги, а потом признаюсь, что у меня личная заначка есть. Как раз тысяча. Придется уж рассекретить, раз Макс такой непутевый...»

– Зачем ты окна пооткрывал? – сухо спросила Варя. – Холодно.

– Я хотел... хотел... – Голос Макса дрогнул.

Он мотнул головой вниз, в холод пятидесятиметровой высоты.

«Хотел бы прыгнуть – прыгнул. Меня бы дожидаться не стал», – спокойно подумала Варя. И снова вздохнула. Что ж, за все приходится платить. Платить за то, что Макс – красавец. За то, что ей с ним легко и необременительно. За то, что однажды он купил (или сорвал на городской клумбе) ровно девяносто девять тюльпанов, встал на колени и подарил ей... Но лучше б не было никаких тюльпанов! И казино, и распахнутых в мороз окон – тоже.

– Давай закрывай окно, – попросила Варя. – Эту несчастную тысячу я найду.

– Ты не понимаешь, Варенька, – тихо произнес Макс.

– Понимаю. Тысячи на расходы и правда будет маловато.

– Нет, Варя, нет! – Макс снова вцепился в подоконник и быстро, как в горячечном бреде, заговорил: – Там, в казино, все время ошивается один мужик. И не игрок, и не сотрудник. Просто ходит и присматривается, как и что... Я раньше не знал, чего ему надо, а сегодня он сам ко мне подошел. Посочувствовал. А потом предложил мне кредит. Условия,

конечно, кабальные, зато деньги дал сразу...

Варя почувствовала, как чья-то ледяная рука схватила ее за шею... Хрипло, словно раненая волчица, она выкрикнула:

– Где путевка?!

Макс виновато опустил глаза:

– Варечка... ну прости меня... Я ведь правда хотел как лучше.

Варя не знала, откуда у нее взялись силы. Она бросилась к Максy, отшвырнула его от окна, так тряхнула, что у него – мускулистого и высокого – кляцнули зубы. И заорала:

– Идиот! Сволочь! Дрянь!

Макс не спорил. Он стоял, опустив голову, и смотрел на нее тоскливыми влажными глазами.

– Как ты мог?! – надрывалась Варя. – Ты же обещал увезти меня в сказку! И мы на эту сказку как проклятые пахали!!!

– Варечка, милая! – Он жалобно прижал руки к груди. – Ну хочешь, убей меня! Хоть что со мной сделай! Ну не мог я остановиться, понимаешь, не мог!!!

Детский лепет оправдания...

Варя кричать перестала. Спокойно прошла из комнаты в коридор. Макс ковылял за ней, пытался на ходу обнять, но его объятия ей сейчас были хуже пощечины.

– Не трогай меня! – прошипела она.

На пути попался пакет с новым купальником и парео – Варя равнодушно оттолкнула его ногой. Распахнула входную дверь. Спокойно сказала:

– Уходи, Макс.

– Варя...

– Не говори сейчас ничего! Ничего! – властно приказала она, швыряя Максу его дубленку.

– Мне так плохо, Варя... – простонал он.

«Замечательно. Проиграл в казино мою сказку, и ему же еще и плохо!»

И она жестоко добавила:

– А если тебе плохо, пойди и утопись.

– Варя, ну не надо так...

Она не стала дожидаться, пока он обуется: вышвырнула его ботинки в коридор:

– Все, Макс, проваливай.

А когда входная дверь захлопнулась, Варя даже плакать не стала. Просто упала на диван и истерически рассмеялась. Ну что ж: вот тебе и хеппи-энд! Вот и счастливая развязка! На тропические острова она, подумать только, собралась! Нет уж, не выйдет. Не зря же издатели наставляют: «Счастливое Рождество должно происходить в России. Снег, елки и мандарины». Вот и сиди, непутевая авторша, на Родине. И даже не в избушке, а в пустой квартире с искусственной елкой.

* * *

Телефон Варя отключила. Не хотелось слушать, как друзья и знакомые будут звонить и желать счастливого пути. А

уж общаться с Максом – коли тот надумает выступить с извинениями – и вовсе не хотелось.

Она засунула купальник и парео в дальний угол шкафа. Скептически осмотрела перед зеркалом новую прическу. Может, в лучах тропического солнца выветленные прядки и заиграли бы, но под электрическим светом волосы смотрятся словно шахматная доска: свой шатен с чужеродными белыми полосками... Варя раздосадованно отвернулась от зеркала. Прошла на кухню. Плеснула себе «Бейлиса» – специально, кстати, покупала, для поездки на острова: чтобы ночами выходить на пляж и вместе с Максом смаковать по глоточку прямо из горлышка...

Ну что ж. Послезавтра будет Рождество. С наступающим праздником тебя, милая... С одиноким, тусклым праздником в опротивевшей московской квартире. Макс, предатель, как же он мог?! А она так старалась, копила деньги: сидела за компьютером целыми днями, а иногда даже ночью, совсем перестала ходить в кафе, и даже вместо рыбного филе на ужин покупала рыб целиком и, морщась от отвращения, их потрошила – только чтобы денег сэкономить. А Макс спустил накопленное быстрее, чем Варя вышвыривала в мусоропровод отвратительные рыбы кишки... И что самое обидное и непонятное: почему деньги улетели именно так?! Так глупо, стремительно и бесцельно? Она бы еще поняла, если Макс потратил их на что-нибудь нужное: купил навороченный новый компьютер, например. Или оплатил бы себе курс

МВА... Но спустить шесть тысяч долларов в казино?! За один вечер? Ведь он – умный человек, образованный и «Игрока» Достоевского читал. Неужели не понимает, что выиграть у казино невозможно?!

Варя снова глотнула «Бейлиса». Телефон молчал, снег шел все гуще и гуще, окна обволакивала черная ночь, и только пластмассовая елка в ее квартире мелькала искусственными огоньками иллюминации. Остаться дальше в тишине и одиночестве было невозможно. Еще полчаса темноты за окном и такого «праздника» – и она тоже распахнет окна и, как и Макс, начнет всматриваться вниз с семнадцатого этажа.

Варя подошла к зеркалу и сказала:

– Я не понимаю, почему он так поступил!

Зеркало спорить не стало, лишь равнодушно отразило бледное Варино лицо со спутанной прической.

Она поправила волосы и выкрикнула:

– Не понимаю, не понимаю!!!

Ей показалось, что зеркало усмехнулось: «Ты, детка, многого не понимаешь...»

«Но я все равно пойму!» – пообещала Варя.

Отвернулась от бездушного стекла. Вытащила из томика Булгакова свою записку: тысячу долларов. Накинула шубку и, не заботясь о покое соседей, громко шваркнула входной дверь.

Раньше Варя никогда не бывала в казино. Наблюдать, как проигрывают другие, ей представлялось неинтересным. Проигрывать самой не хотелось. Ну а в байки о том, что из казино можно выйти миллионером, Варя просто не верила.

Макс, правда, рассказывал, что играть — это очень весело, эмоции со страшной скоростью плещут от плюса к минусу, не хуже, чем контрастный душ. Но Варя всегда отвечала, что лучше уж она в обычный душ сходит...

Однако сегодня она отправилась именно в казино. Тем более что дома, вместе с «Бейлисом», да еще в канун праздника, оставаться было совсем невыносимо...

В царство азарта Варю пустили без проблем. Вежливо объяснили, за каким столом какие игры и что напитки можно заказывать бесплатно. Показали, где находится касса. И посоветовали, раз она новичок, играть в рулетку: «Там, девушка, правила самые простые».

Варя скромно уселась на уголке рулеточного стола. По примеру других игроков выстроила перед собой столбик из фишек. Десять жетончиков, каждый по сто долларов, совсем невысокая башенка... Правила игры действительно оказались примитивными. Можно ставить на число, на два числа одновременно, на четыре и даже на шесть. На цвет, на чет-нечет. В общем, гуляй, фантазия. Только одно непонятно:

откуда в казино столько сумасшедших?

Варя украдкой рассмотрела своих соседей по столу. Нет, с виду-то они самые обычные. Неплохо одеты, у многих на лицах – печать интеллекта, на пальцах у некоторых – бриллианты... В общем, вполне респектабельная публика. Только вот глаза... Сколько Варя ни осматривалась – ни единого *нормального* взгляда так и не увидела. В каждом – только бесконечная надежда и упоительный азарт, а главное – уверенность, что светлое будущее – вот оно, совсем рядом... Так и хотелось крикнуть им всем в полный голос: «Да какое, к черту, светлое будущее?!»

Неужели эти люди верят, что все происходящее – всерьез? Что глупый костяной шарик действительно может сделать их счастливее и богаче? Зачем они здесь? Почему так страстно, с такими сумасшедшими глазами отдаются игре?

Варя заказала себе бесплатный сок и принялась наблюдать за соседями по столу.

Вот скромно одетый старичок. Бородка, умные глаза, нервные пальцы. Похож на профессора. И ведет себя как профессор: сидит с тетрадкой, каждое выпавшее число записывает в табличку, а пока шарик вертится, лихорадочно покрывает страницы какими-то формулами... А вот девушка, совсем юная, ноготки по-детски обгрызены. У нее другой пунктик: фишки на стол швыряет не глядя. Бросает через плечо, закрывая глаза ладонью. Кругляшки в беспорядке рассыпаются по столу, а крупье злится, кричит:

– Эй, дамочка с зелеными фишками! Что вы тут нашивы-
ряли? Это вы на номер ставите или куда?!

А девушка хриплым от волнения голосом отвечает, так и не повернувшись к столу:

– Ставьте, куда упали. – И тихо добавляет: – Удача сама уточнит...

А вот двое солидных мужчин, с солидными же ставками. Один из них бухает целых двести долларов на «тринадцать» и серьезно говорит другому:

– Должно повезти. У моей жены тринадцатого – день рождения...

Второй прикрывает его фишки своими, тоже стодолларовыми, и так же серьезно отвечает:

– Тогда и я поставлю. За твою жену!

«Вот психи! – едва не фыркает Варя. – Неужели Макс, когда бывает здесь, ведет себя так же, как они?»

Лично она совсем не готова ни ставить на день рождения, ни швырять фишки наугад, ни высчитывать формулы. Да и какие могут быть расчеты, если крупье с каждого розыгрыша раздает игрокам фишек по сто, а к себе загребают минимум пятьсот? Ребенку же ясно, что в плюсе – только казино. И очень странно, что умница Макс этого так и не понял...

Может быть, прекратить эксперимент, так его и не начав? Бежать из душного, дымного, безумного игорного дома? Вырваться на воздух, к запаху елок и праздника? Но только что ей делать на улице? Наблюдать, как прохожие радост-

но скупают шампанское? Завидовать воркующим парочкам? Или ехать в неприветливую – вдвойне неприветливую, потому что послезавтра Рождество, а дома холодно и пусто – квартиру?

Нет уж, эксперимент так эксперимент. К тому же и противный дядька с высокого стульчика – Варя объяснили, что он называется пит-босс и контролирует ход игры, – уже скрипит:

– Девушка с синими фишками! Вы играете? Если нет – освободите место за столом, желающих много...

«Да уж, дураков хватает, – насмешливо думает Варя. – Сзади так и напирают. Так что придется ставить. Только очень разумно, не как все эти странные люди... Попробуем рассуждать логично. Черное выпадало уже семь раз подряд, значит, сейчас может быть красное? Может, и будет, хотя говорят, что теория вероятностей прошлые броски не замечает. Но вдруг в казино обычная теория вероятностей не действует? И существует какая-нибудь *теория казиношной вероятности*? Сейчас поставлю сотню на красное – и проверю!»

Так и поступила.

Шарик цокает, публика торопливо разбрасывает по столу фишки, крупье орет:

– Ставки сделаны! Ставок больше нет!..

Шарик летит все медленнее... наконец спотыкается и прыгает в одно из гнезд. А крупье извещает:

– Пять, красное.

...Варя растерянно получила выигрыш. А что, прикольно: тридцать секунд времени, и ты уже на сто долларов богаче... Нет, уходить мы погодим.

Пока крупье выдавал выигрыши и вертел шарик, Варя лихорадочно изучала список из последних выпавших чисел (он высвечивался на панели возле рулетки). Пыталась найти в нем хотя бы какую-то систему. 13, 3, 17, 1, 7, 11, 5... Ага, все просто: все числа – нечетные, значит, есть большая вероятность, что выпадет чет. Теперь поставим две сотни на четные!

И снова вертится шарик, и волнуется толпа...

– Четыре, черное, – объявляет крупье.

И вот в кармане – еще двести долларов. Абсолютно халлявные. Как пишет Булгаков, к ней, к Варе, «сами пришли и сами все дали». Такая игра ей нравится! Надо продолжать! Теперь, теперь... Еще раз смотрим на числа, которые только что выпадали: 13, 3, 17, 1, 7, 11, 5, 4... Вполне можно поохотиться... скажем, за второй половиной – от девятнадцати до тридцати шести. Бац – еще сотню на «девятнадцать – тридцать шесть»!

Варя раскраснелась, на душе – бесшабашность и легкость, и настроение лучше некуда – как же иначе, если деньги сами в руки плывут? Одна беда: за ее спиной угнезвился очередной казиношный сумасшедший. Дышит в ухо луковым перегаром и подзуживает:

– Ставьте больше, вам сегодня везет!

Варя резко обернулась к доброхоту:

– Оставьте меня в покое!

– Я же как лучше хочу, а вы ругаетесь... – обиделся тот.

«Тебе уже лет пятьдесят, а ведешь себя как детсадовец», – холодно подумала Варя.

Снова завертелся шарик. Клац-щелк-чпок... А мужичонка не отстаёт:

– Да ставьте вы двести, чего мелочиться!

– Слушайте, какое ваше дело? – нахмурилась Варя.

– А вы сейчас выиграете – и со мной поделитесь, – простодушно заявил сумасшедший.

– Как вам не стыдно! – вздохнула Варя.

Впрочем, она уже поняла: понятия стыда, а также совести запойным игрокам неведомы.

И, кстати, она тоже становится «игруней» и начинает вести себя странно: вдруг в самый последний момент, когда крупье уже орал, что ставки сделаны, передвинула свои сто долларов со второй половины на первую, на 1–18.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.